

И. А. ЛОБАКОВА

Принципы создания легендарного сказания в творчестве А. Я. Артынова

Не будь Омир — не знал бы Трои мир,
Вот нова Троя — Артынова покроя...
Теперь не будь ево — никто не знал бы ничего!
«За труд, — сказал ум здравый, —
Не требую и не чуждаюсь славы».

*А. Я. Артынов*¹

Севернорусская крестьянская культура XIX в. не может рассматриваться как нечто однородное. Положение крестьян (крепостная зависимость или ее отсутствие), уровень сохранности традиционных форм фольклора, в том числе былинного эпоса, приверженность старой вере (или принятие никоновских реформ), сохранение и развитие традиций средневековой культуры (или возможность приобщения к культуре Нового времени) были различными в разных губерниях и уездах. Формирование вкусов и пристрастий носителей крестьянской культуры определялось к этому времени уже не только исторически сложившимися социокультурными условиями, но и личным выбором и приложенными усилиями отдельного человека.

В Ярославской губернии одним из ярких представителей крестьянской культуры был Александр Яковлевич Артынов (1813—1896). Н. Н. Воронин писал: «Фигура Артынова и его труды заслуживают специального историографического или скорее источниковедческого и историко-литературного изучения (...), так как до сих пор сочинения Артынова, в особенности в глазах местных ростовских и ярославских краеведов, пользуются славой исторического источника, а сам Артынов идеализируется как „крестьянин-краевед“, „патриот“ и „основоположник изучения Ростовского края“».² Разумеется, рассматривать его сочинения как в какой-то мере отразившие не дошедшие до нас исторические источники нет никаких оснований.³ Автори-

¹ Автограф А. Я. Артынова в рукописи (РНБ, собр. Титова, № 1938, л. 1 об.).

² Воронин Н. Н. «Сказание о Руси и о вѣчьмъ Олзѣ» в рукописи А. Я. Артынова : (К истории литературных подделок начала XIX в.) // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 175—198. Там же собраны все биографические сведения о писателе.

³ Ныне только Ю. К. Бегунов в своих предисловиях и комментариях к изданным им сочинениям А. Я. Артынова (см.: Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым. Б. м., 2000; Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым. Б. м., 2000) без каких-либо доказательств склонен видеть в них «источник истории». Научная оценка такой интерпретации творчества писателя дана в статье

тетные медиевисты откровенно называли его труды фальсификатами.⁴ Едва ли возможно отрицать связь сочинений А. Я. Артынова с традицией литературных мистификаций.⁵ Вспомним хотя бы ссылки на рукописи, послужившие, по утверждению крестьянского писателя, основой его записей. Так, называя в качестве своего источника сведений за 225 г. «Хлебниковский летописец», сочинитель помещает в качестве сноски внизу рукописного листа следующую ссылку на «древний» текст: «На берегу ручья, впадающего в реку Ухтому, на том месте, где стоит ныне село Назорное (Ильицкой волости) по преданию старины будто бы стоял тут терем волшебницы-княгини Ахирезы Назорихи Муромской. Здесь она с дочерью своей волшебницей Всемилой-Бикань утопали в разврате. Современники терем этот вместо Назорного, как звали его княгини, прозвали „Зазорное место”. В последствии времени на развалинах этого терема насыпан был „Подзорный курган”, на котором князь Семен Дмитрич Приемков Большой построил свой терем. Здесь он на реке Ухтоме построил доселе невиданный корабль, на котором увез княжну Улиту, дочь князя Димитрича Бесчаснаго и женился на ней» (с. 229).⁶ Эта цитата способна дать представление о «древности» источника А. Я. Артынова. Перед нами — топонимическая легенда, объясняющая название села «Назорное», однако легенда эта имеет ряд особенностей. Во-первых, объяснение каждого из вариантов (Назорный терем—Зазорное место—Подзорный курган) выходит за рамки истолкования конкретного названия, что в народной этимологии встречается крайне редко. Во-вторых, впечатляет весь предложенный автором ономастикон, но более всего — именование княгини: Ахиреза Муромская, по прозвищу Назориха. Хотя в крестьянской среде часто называют женщин по социальному статусу мужа (стрельчиха, дьячиха, врачиха) или по его имени/фамилии (Савелиха, Ермолаиха, Вакулиха) с помощью словообразовательной модели-иха, но встретить подобное при именовании княгини невозможно: летописные источники, как известно, называют жену князя либо по отцу (Ярославна, Мстиславна), либо по мужу (Андреева княгиня, Володимеря и пр.).⁷ Не удалось

В. А. Кошелева: Народный академик на ниве народознания // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. Апр. С. 351—357.

⁴ См.: *Розов Н. Н.* Новые поступления из собрания А. А. Титова // Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Вып. 3. С. 171—186; *Воронин Н. Н.* «Сказание о Руси...». С. 175—198. В статью включена полная библиография сочинений А. Я. Артынова.

⁵ См.: *Смирнов И. П.* О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников: (Место мистификации в истории культуры) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 200—219.

⁶ Все цитаты в тексте статьи приведены по рукописи РНБ, собр. А. А. Титова, № 2200, с указанием страниц. Разумеется, наследие угодичского крестьянина обширно — около 80 книг (общим объемом почти 50 000 листов), но оно представляло собой постоянный процесс самопереписывания и саморедактирования: одни и те же сказания включаются в состав разных сборников. Потому любая его рукопись дает полное представление о творческих принципах автора (на издания Ю. К. Бегунова ссылаться невозможно, поскольку, по признанию составителя, он подверг «литературной стилистической обработке» свой источник). Номера страниц — в тексте статьи.

⁷ Впрочем, и в основном тексте А. Я. Артынова жена князя Ярослава Мудрого Ирина (дочь шведского короля Олафа Ингигерд) названа «княгиней Ингигердой Ярославихой», что свидетельствует о механическом переносе автором крестьянской словообразовательной модели в «оригинальный исторический» текст.

также найти аналога «называнию» княгини (с использованием указанной модели) по месту жительства: Назорный терем — Назориха. Князь Бесчасный⁸ назван по отчеству — Димитрич, но вообще не имеет имени, что также не подтверждается традицией, зафиксированной письменными источниками. Вскользь оброненное А. Я. Артыновым замечание об увезенной с помощью «доселе невиданного корабля» княжне отсылает к известным сказочным сюжетам. Таким образом, можно утверждать, что сгоревший в пожаре «источник» исторических сведений крестьянского сочинителя, о котором никто не упоминал и который никто (кроме А. Я. Артынова) не видел, — Хлебниковский летописец⁹ — мало чем отличается от основного авторского текста и, без сомнения, является результатом творчества самого писателя. «Фальсификации исторических источников — это создание никогда не существовавших документов либо поправки подлинных документов, что связано с целой системой различных приемов и способов. И в том и в другом случае налицо сознательный умысел, рассчитанный на общественное внимание, желание с помощью полностью выдуманных фактов прошлого или искажений реально существующих событий „подправить” историю, дополнить ее не существовавшими деталями».¹⁰ Ярославский сочинитель, стремясь «удревнить» историю родного Ростовского края, написал тома своих сказаний, называя в качестве исторических источников никогда не существовавшие сборники, потому и рассматривался историками как фальсификатор.

История фальсификаций исторических источников насчитывает не одно столетие и не имеет границ.¹¹ На фоне богатой истории русских фальсификатов, подробно проанализированных В. П. Козловым (вставки в Хрущевский список Степенной книги; повествование о ереси Мартина Арменина и Требник митрополита Феогноста в «Соборных деяниях»; «завещания» Петра Великого; подделки А. И. Бардина, А. И. Сулакадзева, Д. И. Минаева и мн. др.), труды А. Я. Артынова могут удивить лишь своим объемом. По точному наблюдению В. П. Козлова, «подделка — это тоже исторический источник, относящийся, однако, не ко времени, о котором в ней рассказывается, а ко времени ее изготовления».¹² Действительно, проведенный анализ творческих приемов А. Я. Артынова позволяет утверждать, что в сказаниях ярославского крестьянина обнаруживается значительное влияние книжной

⁸ Разумеется, он должен был именоваться Бесчастным (т. е. лишенным счастья), что вновь подтверждает влияние на текст А. Я. Артынова фольклорных источников.

⁹ Влияние местных летописцев на творчество Артынова может рассматриваться особо, однако хотелось бы заметить, что в летописцах XVII в. вымысел был одним из элементов повествования, в то время как у нашего сочинителя — основным творческим принципом.

¹⁰ Козлов В. П. Тайны фальсификации : Анализ подделок исторических источников XVIII—XIX веков. 2-е изд. М., 1996. С. 4. Подробно разбирая «Сказание о Руси и о вечем Олзе», исследователь дал краткую характеристику трудам А. Я. Артынова: «...он не только вольно обращался с источниками, но и не останавливался перед весьма неискusной их подделкой» (с. 212). В. П. Козлов предпринял попытку доказать, что автором текста Сказания был не А. И. Сулакадзев, как полагал Н. Н. Воронин, а Д. И. Минаев.

¹¹ О западноевропейских фальсификациях XVIII—XIX вв. см.: Уайтхед Д. Серьезные забавы. М., 1986.

¹² Козлов В. П. Тайны фальсификации. С. 9.

культуры конца XVIII—начала XIX в.,¹³ а именно, «краеведческой» и историкографической (в том числе генеалогической).

Разумеется, название «краеведческая» для литературы данного периода достаточно условно. Она сформировалась под сильным влиянием двух литературных традиций. К первой могут быть отнесены рукописные сборники, в которых читались тексты памятников (как правило, агиографического жанра), посвященные местным святым/святыням,¹⁴ ко второй — произведения в жанре «путешествий» (морских и сухопутных), где основное внимание уделялось подробному описанию чужих земель, их исторических и топонимических легенд, традиций, обрядов, особенностей уклада жизни.¹⁵ В сочинениях А. Я. Артынова ощутима связь с обеими традициями. Сказания его, как правило, повествуют о легендарной истории жизни правителей (или героев) двух великих центров Древней Руси: Новгорода и Ростовской земли. При этом очевидна связь между ними: в свои многочисленные сборники автор включал неизменное ядро, посвященное древнейшему периоду, и варьируемую часть, в которой читались местные легенды. Подобно путешественникам, сочинитель описывает свой край,¹⁶ подробно рассказывая о причинах именовании многих деревень, речек, ручьев, источников, курганов и т. п. Так, например, под 311 г. А. Я. Артынов упомянул Сохатское болото, которое «заключает в себе пространство около 7 верст, лежит от г. Ростова на юг. Оно получило себе имя от великаго волшебника Сохата, сына князя Сары, внука князя Владимира, основателя Ростова. Близ бывшего терема волшебника Сохата стоит ныне Никольский погост» (с. 59, сн. 111). С точки зрения научной этимологии, название болота объясняется устойчивой севернорусской традицией именованья «сохатым» лося. Лоси предпочитают жить близ болот и могут подолгу находиться на зыбкой почве благодаря особенностям строения копыт. Болото, в котором в изобилии водились лоси, вполне могло получить название Сохатского. Однако в «народной» этимологии большинство топонимов связано с именами людей. Чтобы имя человека осталось в памяти потомков, он должен чем-то выделяться среди окружающих: происхождением (князь, потомок князей, царь)

¹³ Круг чтения А. Я. Артынова кратко охарактеризован Н. Н. Ворониным по материалам авторской рукописи 1831—1847 гг.: М. В. Ломоносов, В. А. Жуковской, Н. М. Карамзин, В. Г. Бенедиктов, Ф. Н. Слепушкин, М. Н. Загоскин, Н. Ф. Грамматин, А. С. Пушкин и др. См.: *Воронин Н. Н.* «Сказание о Руси...». С. 176.

¹⁴ Такие сборники могут быть условно разделены на несколько типов. Во-первых, сборники, посвященные конкретной обители и ее святым, например Троице-Сергиевой (в них включались Житие Сергия Радонежского и Житие Никона Радонежского); во-вторых, сборники, посвященные святым какого-либо города и окрестных монастырей: например, Ростова (объединялись в разных сочетаниях жития Леонтия, Авраамия, Ионы, Исидора, Иринарха Ростовских), или Пскова (Жития Ольги, Всеволода-Гавриила, Никандра и Евфросина Псковских), или Казани (Жития Гурия, Варсонофия и Германа Казанских); в-третьих, сборники, включавшие сказания о местном явлении чудотворных икон/крестов. Однако в сборниках всех типов встречаются объяснения названий реальных мест, обычаяв (с которыми, как правило, приходилось бороться святому) или традиций почитания святыни.

¹⁵ В настоящей статье не рассматривается вопрос о влиянии жанра хождений на формирование жанра путешествий.

¹⁶ В частности, литература путешествий стала бесспорным источником называния А. Я. Артыновым местных жителей «туземными» (с. 509, например).

или особыми умениями (волшебник, колдун, разбойник и т. п.). Потому у нашего сочинителя появляется внук князя-основателя Ростова волшебник Сохат, по имени которого получило свое название болото. Впрочем, в краеведении до сего времени и объяснения топонимов (часто с опорой на «народную» этимологию) и изложение легенд, с этими названиями связанных, занимают самое значительное место. Но в отличие от большинства краеведов-любителей А. Я. Артынов не столько записывал местные легенды, сколько творил их сам.¹⁷

Однако и в этом его творчество опиралось на традиции историографии XVIII в.

Как правило, ученые, читавшие сочинения А. Я. Артынова, обращали внимание на имена его героев (Силоволь, Вихреслав, Громослав, Туросвет, Трудолоб, Гремисвет, Угода, Премила, Милолика, Звездосвета, Всемила и пр.), подчеркивая их фантастичность, выдуманность.¹⁸ Отметим, однако, что данные Екатериной II имена княгиням языческой Руси в ее «Истории» (Прелеста, Умила и др.), безусловная связь которых с поэтическими именами в литературе XVIII в. очевидна, могли стать для крестьянского писателя своего рода «изящными образцами». Правда, ярославский автор в области ономастики продвинулся значительно дальше государыни: список выдуманных им имен огромен, при этом почти все они совершенно не вписываются в то, что нам известно о языческих именовании. Крайне затруднительно рассматривать в качестве действительно существовавшего имени такое, например, как Громослав. Гром — спутник грозы, в которой, как известно, во все времена (и языческие, и христианские) народ усматривал выражение божественного гнева. Потому возможность соединения понятий «гром» и «слава» в имени человека крайне сомнительна. Равно как Гремисвет (свет не производит каких-либо звуков, тем более — не гремит) или Вихреслав (вихрь — разрушительная сила природы и славы принести не может) не вызывают сомнений в их искусственности¹⁹ и связи с поэтическими именами в литературе (в том числе и «исторической») XVIII в.

Все сказания А. Я. Артынова расположены в строгом хронологическом порядке: «Царевич Росс-Вандал. До Рождества Христова 1793 лето...».²⁰ Конечно, подобные притязания на древность способны и удивить, и позабавить, но важнее то, что в Сказаниях Артынова ощутима ориентация на лето-

¹⁷ Это объясняет, как представляется, и тот факт, что А. Я. Артынов не смог профессионально записать ни одной легенды, сказки или былины. С одной стороны, он находился «внутри» крестьянской культуры, в то время, как наличие дистанции (культурной, национальной, религиозной или социальной) — необходимое условие для записи. С другой стороны, писатели часто привносили в записываемый текст свои коррективы (вспомним, например, сказки братьев Grimm, в которых фольклорная основа заметно «христианизована» авторами).

¹⁸ См.: Воронин Н. Н. «Сказание о Руси...». С. 179; Кошелев В. А. Народный академик... С. 355.

¹⁹ История выбора имени стала предметом исследований Ф. Б. Успенского. В частности, выявлению традиций, связанных с культом рода (т. е. архаических или дохристианских), определявших выбор имени для членов королевских семей Норвегии, Швеции, Дании в XI—XIII вв., посвящена работа: Успенский Ф. Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.

²⁰ «За 700 лет до Троянской войны, воспетой Гомером. Эпоха первых письменных памятников в Египте, Месопотамии, Индии» (см.: Кошелев В. А. Народный академик... С. 351).

писную форму повествования: все они «привязаны» к датам. Вспомним, что и В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» использовал эту же форму: сочинение знаменитого историографа составлено в виде летописного свода, но является «уже не летописью, а историческим произведением, только составленным в виде летописи». ²¹ Впрочем, и содержание многих его записей большинству историков представляется недостоверным: основная масса «татищевских известий» (сведений, не находящихся подтверждения в известных источниках) отражает его собственные общественно-политические взгляды. При этом, как писал Я. С. Лурье, историограф «никого не собирался обманывать». ²² Он подчеркивал: «Конечно, Татищев не был вульгарным фальсификатором источников... В отличие от современных историков, Татищев излагал исторические события в летописной манере и не отделял при этом данные, заимствованные из источников, от собственных гипотез и догадок. Он считал допустимым впадать в уста исторических деятелей речи, которые они могли произносить, защищая свои позиции». ²³ Традиция «авторского летописания» В. Н. Татищева повлияла на артыновскую «летопись». Как представляется, в использовании летописной модели повествования А. Я. Артынов следовал данной историографической традиции, хотя в попытках воссоздать историю Руси с XVIII в. до н. э. предшественников у него не было.

Стремление связать родословие правителей Древней Руси с Гераклом, Александром Македонским, Демосфеном, Аларихом, Карлом Великим оказывается в том же ряду явлений культуры, что и возведение собственного рода к прославленным персонажам в русских (и не только русских) родословных сборниках. Семейные легенды (и действительно существовавшие, и созданные к моменту собирания сведений с целью «удревнить» историю рода) столь же определенно указывали на известных реальных и легендарных героев прошлого (от Августа Цезаря до Пруса, от Гаврилы Олексича и Пересвета до мурзы Чета или хана Юсуфа), а нередко и на знатное иноземное происхождение предка (из Скандинавии, Литвы, Золотой Орды, Италии, Византии и др.). ²⁴ Напомним, что и сам крестьянин А. Я. Артынов пи-

²¹ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 261. Там же отмечена связь сочинений историка с традицией историографии XVI—XVII вв. (начиная от Степенной книги до местных «летописных сводов»), где исторические сведения дополнялись баснословными сюжетами и фактами.

²² *Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 55. В главе «Летописные известия в нарративных источниках XVII—XVIII вв.» ученый дал характеристику существующим взглядам историков на творчество В. Н. Татищева и его источники.

²³ Там же. С. 51.

²⁴ Со стремлением «объединить» несколько знатных линий в одну, как мне кажется, связано наличие двойных имен в сказаниях А. Я. Артынова: Буриной-*Вайдевут* (ориентация на литовское — Кейстут, например) или Всемила-*Бикань* (отсылка к тюркским корням). Хотя в летописных источниках мы встречаемся с наличием у князей двух имен, но пара всегда образована языческим и христианским именами (Ярослав-Георгий, Всеволод-Гавриил, Довмонт-Тимофей и др.). Этому вопросу посвящена специальная работа: *Гиттиус А. А., Успенский Ф. Б.* К вопросу о соотношении языческого и христианского имени — древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // *Славяне и их соседи: (Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья)*: Тез. XIX конф. М., 2000.

сал, что ведет собственное происхождение от Торопки, уцелевшего при убийстве князя Бориса Владимировича на Альте (1015), получившего при возвращении в родные места прозвище Альтин, а затем с 1615 г. после поимки атамана Заруцкого родовое прозвание якобы поменялось: его предок начал именоваться по отчеству (!) «злодея» Мартыновым (буква М в начале слова была почему-то с течением времени утрачена). Согласимся, что данная родословная легенда не выходит за рамки традиций, отразившихся в известных генеалогических преданиях.

«Галантерейность» стиля А. Я. Артынова уже отмечалась исследователями. Н. Н. Воронин бегло охарактеризовал стиль крестьянского писателя так: «Язык Артынова представляет смесь слащавых оборотов с грубоватой речью крестьянина, порой раешника, ярмарочного балагура, и нарочито книжными учеными пассажами»,²⁵ а его сочинения определил как «фантастические баснословия в духе сентиментально-романтического направления и псевдоисторической лубочной литературы».²⁶ Таким образом, Н. Н. Воронин первым коснулся проблемы «литературности» творчества крестьянского писателя. Именно этот аспект исследования, как представляется, позволяет рассмотреть сочинителя и его наследие как явления культуры.

Каковы же основные принципы создания легендарного сказания в творчестве А. Я. Артынова?

Прежде всего сочинитель активно вводит в свой текст реальные исторические названия (Египет, Афины, Рим, Сигтуна, Ростов), но все они в его сказаниях «хронологически единовременны».

Персонажи артыновских сказаний соотнесены с историческими героями. Так, скифский царь Ахей женат «на юной и прекрасной княжне Артаксии, младшей сестре матери знаменитого афинского оратора Демосфена» (с. 87). Бабка Демосфена по матери, возможно, по происхождению действительно была наполовину скифянкой (Плутарх вскользь отметил существование слухов, будто бы дед афинского оратора, высланный из Афин в Тавриду, женился там на дочери местного грека и скифянки),²⁷ но никаких сведений о ее знатном происхождении нет. Однако для автора невозможность прямых родственных связей Демосфена со скифскими царями менее важна, чем его собственная потребность придать противостоянию скифов и Александра Македонского дополнительный личный оттенок (великий афинянин, прославившийся своими филиппиками — речами против царя Филиппа, отца Александра Македонского, покончивший с собой после завоевания родного города, был племянником главной героини). Потому в артыновском сказании о любви «завоевателя полумира» к вдове скифского царя сопутствуют романтически преувеличенные препятствия, а преодоление их должно возвеличить и самих героев, и их чувство.

Представления XVIII в. о культуре античности заметно повлияли на творчество А. Я. Артынова. Сочинителем были включены в «Предания старины Ростова Великаго» сказания об известных героях древнегреческих мифов; сказания так и называются: «Геркулес Алкид» и «Дедал-царевич».

²⁵ Воронин Н. Н. «Сказание о Руси...». С. 179.

²⁶ Там же.

²⁷ См. осторожное замечание об этом у Плутарха в 4-м разделе главы «Демосфен и Цицерон»: Плутарх. Избранные жизнеописания. М., 1987. Т. 2. С. 498.

Одному из персонажей помогает крылатый конь — Пегас. У скифов, как пишет сочинитель, существовал обычай «увекочивать вид» героев (так, у царицы Артаксии был скульптурный портрет Александра Македонского, по которому его и узнают²⁸). В покоях князя Куяна (VI в.) находится картина «Венера и Марс» (влияние уже древнеримской мифологии). Быт древних князей Руси в сочинениях крестьянского писателя организован по «античному образцу», хотя действие неизменно происходит в «теремах» (от XVIII в. до н. э. до XVIII в. н. э.).

В сказаниях А. Я. Артынова можно увидеть элементы отдельных мифологических сюжетов. Например, в сказании о князе Ширяе и княжне Милоди (под 711 г.) в «свернутом виде» присутствует сюжет о Федре и Ипполите: мачеха главного героя, не добившись любви своего пасынка, обвинила его перед мужем в преследовании ее «непозволительной страстью» и отправила в изгнание.

В большей части произведений сочинителя ощущается влияние фольклора и литературы, проявившееся на разных уровнях: словесных формул, мотивов или сюжетных схем. Круг произведений, оказавших воздействие на творчество А. Я. Артынова, очень широк. Не претендуя на исчерпывающую полноту, попытаемся очертить наиболее существенные направления литературного влияния. Одним из основных источников творчества писателя является фольклор, главным образом волшебные сказки, некоторые былины, легенды о разбойниках. Другим — древнерусская литература: летописание, «Слово о полку Игореве», «Александрия», «Сказание о князьях Владимирских», «Повесть об увозе Соломоновой жены», «Рукописание Магнуща», «Житие Евстафия Плакиды», апокрифы, духовные стихи, переводные рыцарские повести. При этом знакомство нашего сочинителя с подавляющим большинством перечисленных произведений было не прямым, а опосредованным — в пересказе историков и писателей XVIII—XIX вв. Третьим источником творческих фантазий писателя стала литература того же времени, представленная в основном именами Ломоносова, Фонвизина, Жуковского, Грамматина, Карамзина, Пушкина. При этом все эти источники (фольклор, древнерусская литература, литература Нового времени) в произведениях Артынова перемешаны. Сказочный сюжет мог пересказываться «галантным» стилем XVIII в.; мотив игры на гусях для морского царя из былины о Садко включен в сложное повествование о добывании невесты, где среди героев названы Дева Озера (древнеанглийские легенды), великан Волот,²⁹

²⁸ Живописный портрет Александра Македонского, как повествуется в «Александрии», находился в спальне амастридонской царицы Клеопилы Кандакии, которая по этому портрету собиралась узнать царя, часто ходившего послом к государям, земли которых он собирался завоевать. В сказании А. Я. Артынова о царице Артаксии и Александре Македонском имеется ряд параллелей с сюжетом повествования о Клеопиле Кандакии: попавший в плен сын царицы, помощь ему македонского царя, переход от враждебных отношений к союзническим.

²⁹ О. В. Творогов обратил мое внимание на заимствование имени Волот из сообщения о великанах — «вологах» в болгарском переводе Хроники Иоанна Малалы. Этимологическое толкование слова «волот» («велет») удовлетворительного объяснения, по замечанию Фассмера, не имеет. Словарем предлагаются в качестве возможных вариантов два: 1) великан (от латинского «valeo» — я здоров); 2) владетель, государь (от праславянского «walo»). Вероятность связи второго значения этого слова с именем языческого бога Волоса (Велеса)

укрошенный перстнем царя Сезостриса,³⁰ дающим власть над нечистой силой (отголосок легенды о знаменитом кольце царя Соломона—Сулеймана-ибн-Дауда в восточных сказках, которое дарило владельцу власть над джиннами), и т. п. Иными словами, в творчестве А. Я. Артынова произошло эклектическое соединение самых разных источников на всех уровнях. Рассмотрим данное утверждение более подробно на ряде примеров.

Под 100 г. читается сказание о царице Мирославе и ростовском князе Мечиславе. Дочь царя Изатера Мирослава была просватана за «северного властелина» — старого царя Фарнака. Встреча жениха и невесты должна была состояться на берегах Босфора (!), где в это время находилась ростовская дружина со своим князем. Во время купания царица была похищена морским царем, а ее отец пообещал отдать свою дочь тому, кто сможет ее вызволить со дна морского. Однако «были охотники сражаться в чистом поле, а не в море, куда нет ни пути, ни дороги» (с. 77). Влюбленный Мечислав обретает помощника — волшебника по имени Жегуль (в честь которого, разумеется, и были названы Жегулевские горы, как сообщается в другом сказании Артынова): его родная дочь Дельвора тоже оказалась в плену у морского владыки. Для того, чтобы одержать победу над морским повелителем, князю необходим не один волшебный предмет или три (как обычно в сказках), а множество (несколько — чтобы добраться до волшебного хранителя предметов, несколько — для победы над царем, еще один — чтобы выбраться с морского дна). Перечислим несколько предметов из длинного списка: «личина Каинана-кошунника», «веретено Ноемы Прекрасной», «меч Азаила Хитрого», «молот Тезвулкана», «книга Адды Всезнающего». Имена, разумеется, не случайны и, как представляется, содержат намеки на героев разных культур: Ноема Прекрасная — вероятно, Ноэми, героиня валлийских легенд; книга Адды Всезнающего — возможно, сборник саг «Старшая Эдда», который воспринимался как сборник, названный по имени составителя;³¹ Тезвулкан-ковач, по-видимому, — слегка переделанное имя римского бога кузнечного ремесла Вулкана. Функция каждого волшебного предмета в артыновском произведении несколько «затемнена», их предназначение может оказаться неожиданным (в отличие от сказки, где сапоги-скороходы наделяют быстротой передвижения; шапка-невидимка делает героя невидимым и т. д.). В частности, веретено Ноемы надо бросить на пол горницы, когда придет морской царь. «Тогда он завертится, вот тогда-то и можно снять с него буйную голову» (с. 71). Перенасыщенность волшебны-

доказать или опровергнуть вряд ли возможно, но в литературе XIX в. название Волотова поля под Новгородом, как правило, объяснялось именно так.

³⁰ Собирательное имя египетских царей-завоевателей и создателей законов со времен античной литературы, откуда оно попало почти во все европейские. «Царю этого имени приписываются не только завоевание всей Азии, Европы до Фракии, Ассирии, Мидии, Эфиопии, скифов, Бактрии, но и различные законы... Иосиф Флавий видел в нем Сисака (Сусакима) Библии, фиванские авторы отождествляли его с Рамзесом II» (см.: Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 29 (полумом 57). С. 314).

³¹ Появление всех этих имен и некоторых мотивов, очевидно, связано с оссиановской темой в русской литературе. В творчестве А. Я. Артынова они возникли как результат его знакомства с поэтическими переложениями Н. Ф. Грамматина. Об «оссиановском направлении» см.: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе. Конец XVIII—первая треть XIX века. Л., 1980.

ми предметами и сказочными мотивами прозы А. Я. Артынова свидетельствует о некоторой механистичности его приемов. Стилистическая обработка сказочных сюжетов сохранила незначительное число фольклорных формул и более говорит о пристрастии автора к литературе конца XVIII—начала XIX в. Спасенная Мечиславом царица ведет себя подобно героиням исторических повестей Н. М. Карамзина. После того как царица поинтересовалась, хочет ли Мирослава стать женой ростовского князя, она «вспыхнула вся, как маков цвет, потупила очи в землю, была несколько времени безмолвна, потом бросилась со слезами на шею своего родителя» (с. 75). В другом сказании А. Я. Артынова отец героя, наставляя сына перед дальней дорогой, к привычным «старых почитай, слабых не обижай, обиженным помогай» добавляет: «А пуще всего защищай слабый женский пол: такому быть богатырю на роду написано» (с. 83). Из богатырей, насколько нам известно по сохранившимся русским былинам, пожалуй, лишь Добрыня Никитич отличался «вежеством» по отношению к женщинам. Наставление отсылает к русским переложениям (в том числе и лубочным) рыцарских романов.

Трансформируется вся привычная образная система. Так, меч-кладенец русских сказок, лишенный каких-либо деталей описания, под пером А. Я. Артынова превращается из символического образа в декоративную деталь: он весь «украшен дивными самоцветными камнями» (с. 157). И если сказочное время остается в переложениях крестьянского писателя неизменным (оно абстрагировано и лишено каких бы то ни было соотношений с исторически-конкретным временем), то пространство представляет собой сложное соединение сказочной беспредельности (по сути своей, Босфор для ростовского князя Мечислава — такое же тридцатое царство) и конкретно-топонимических уточнений (герои действуют в пространстве, где каждое болото, каждый ручей имеют свое объясненное название).

Более всего изменились модели поведения: в сказках их определяет функция персонажа (герой, злодей, помощник и т. п.), а в сказаниях А. Я. Артынова поведение героев соотносено с литературными образцами: sentimentalными (в плане изображения поведения героев и их переживаний) и романтическими (на уровне построения сюжетных коллизий),³² и дополняется реально-бытовым комментарием. Так, князь Вихреслав, спасая царевну Рему, стреляет из лука в чародея Тура, обратившегося в черного ворона (сказочный мотив, отразившийся в эпизоде спасения князем Гвидоном Царевны-Лебеди в сказке А. С. Пушкина), и вытаскивает девушку из болота. «Избавленная князем красавица от болота и волшебника озаботилась прежде всего в реке Устье смыть с себя болотную грязь. И приведя одежду свою в порядок, потом стала благодарить князя за его великодушный поступок» (с. 181—182). Князя Древней Руси в сказаниях А. Я. Артынова ведут себя в соответствии с этикетом поведения XVIII—XIX вв.: «После обычной вежли-

³² Данное замечание о «романтизации» основного конфликта в «древнем историческом источнике» может быть отнесено также к известному фальсификату — «Мемуарам» княжны Серафимы (после пострижения — Марии) Михайловны Одоевской, описывающей в качестве главной причины падения Новгорода Великого несчастную любовь к ней Назария, в гнев оговорившего город перед Иваном III. См. анализ этой фальсификации: *Козлов В. П. Тайны фальсификации...* С. 221—231.

ности князь стал просить сестру свою познакомить ево с княжной Светозарой» (с. 143).

Этот же прием — реально-бытовых дополнений — наблюдается и в сочинениях, ориентированных на литературные произведения. Так, в сказании о князе Фрелафе и княгине Леве обнаруживается сильное влияние перипетий сюжета «Жития Евстафия Плакиды». Несчастливая княгиня, жертва страсти своего мужа-варяга к злой волшебнице Всемиле, была брошена в темницу. При помощи верных слуг ей удалось бежать и добраться до родины. А ее сыновья Пламид и Избор, детьми чудом спасшиеся от смерти, к которой их приговорила злая мачеха (их спасли звери), потеряли друг друга, но став взрослыми, оба выбрали путь воина. Когда братья Левы, князья Любомир и Туросвет, пришли «восстановить справедливость» в пределы варяжской земли, то увидели, как самого Фрелафа, уже давно заключенного в темницу, сын Всемилы поволок на казнь, оскорбляя и унижая обессилевшего князя. Варяга отбили у неистового юноши. «Жестокая пощечина князя Туросвета раздалась по щеке буйного юноши, лишила его нескольких зубов и повергла его на землю. Изверженные им с кровию зубы доказывали, что удар был от чистого сердца» (с. 187—188). После натуралистических подробностей описания расправы автор вновь следует сюжетной схеме первоосновы Жития — эллинистической авантюрной повести: происходит узнавание детей и родителей, сцена раскаяния Фрелафа, а затем — описание всеобщего примирения. Таким образом, произведение, испытывавшее на сюжетном уровне влияние агиографического памятника, дополнялось, как и фольклорные тексты, бытовыми и литературными деталями.

Ряд сказаний А. Я. Артынова обнаруживает свою полную зависимость от литературных произведений. Один из наиболее ярких примеров — сказание об Алексее Богдановиче Мусине-Пушкине и княжне Ирине Михайловне Луговской. Непосредственным источником данного сказания является повесть Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь». Сюжетная схема повторяется в артыновском произведении практически полностью: жизнь героини в доме отца, ее основные занятия, встреча в московской церкви с прекрасным незнакомцем, помощь влюбленным няни, увоз невесты, тихий брак в сельской церкви, история опального семейства мужа героини и его оправдание, мирная жизнь молодых, поиски любимой дочери отцом, сборы на войну против литовцев главного героя, выход героини в поход вместе с мужем под видом его младшего брата, воинский подвиг, переломивший ход сражения, царская милость и награды, встреча героини с отцом, сопровождавшим царя, превращение молодого воина на глазах у свиты в боярскую дочь, прощение отца, счастливая жизнь героев. Очевиден характер проведенных Артыновым переделок. Сочинитель пересказывал свой источник предельно кратко:

Н. М. Карамзин

«...Наталья, по своему обыкновению, пошла однажды к обедне. Помолившись с усердием, она не нарочно обратила глаза свои к левому крылосу — и что же

А. Я. Артынов

«Там, в церкви в день Покрова пресвятой Богородицы боярошня Ирина встретила с красивым, статным и молодым боярином. Огненный взор его,

увидела? Прекрасный молодой человек, в голубом кафтане с золотыми пуговицами, стоял там, как царь среди всех прочих людей, и блестящий проницательный взор его встретился с ее взором. Наталья в одну секунду вся покраснелась, и сердце ее, затрепетав сильно, сказало ей: „Вот он!..”. Она потупила глаза свои, но ненадолго; снова взглянула на красавца, снова запылала в лице своем и снова затрепетала в своем сердце. Ей казалось, что любезный призрак, который ночью и днем прельщал ее воображение, был не что иное, как образ сего молодого человека...» (с. 50—51).³³

встретившись с ее, показывал в нем такого героя, о каком она часто днем и ночью мечтала» (с. 623).

В повести Н. М. Карамзина разработаны портретные характеристики героев (кожа Натальи, например, белее «итальянского мрамора и кавказского снега», волосы как «темно-кофейный бархат», ресницы «черные и пушистые» и т. п.); в сказании Артынова описаний индивидуальных черт героев нет, лишь кратко сказано, например, что Ирина «имела замечательную красоту лица своего, могущую спорить с первыми красавицами белокаменной Москвы» (с. 621).

Диалоги героев и их внутренняя речь в карамзинской повести занимают значительное место. Эти приемы не только драматизируют повествование (один из фрагментов даже имеет вид произведения драматического жанра³⁴), но и определяют развитие действия. В обработке Артынова диалогов очень мало, а внутренней речи нет вовсе.

Отсутствует в этом произведении Артынова (как, впрочем, и в других) образ автора, столь характерный для прозы Карамзина. В «Наталье, боярской дочери» образ автора многогранен: серьезные рассуждения о прежних временах, «когда русские были русскими»; признание в любви к истории; размышления о вымысле перемежаются полными самоиронии замечаниями. Так, ссылаясь на то, что слышал свою историю «в царстве теней» от бабушки своего дедушки, писатель продолжает: «Только страшусь обезобразить повесть ее; боюсь, чтобы старушка не примчалась на облаке с того света и не наказала меня клюкою своею за худое риторство... Ах, нет! Прости безрассудность мою, великодушная тень, — ты неудобна к такому делу! В самой земной жизни своей была ты смирна и незлобна, как юная овечка; рука твоя не умертвила здесь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда покойно отдыхала на носу твоём; итак, возможно ли, чтобы теперь, когда ты плаваешь в море неопisanного блаженства и дышишь чистейшим эфиром неба, возможно ли, чтобы рука твоя поднялась на твоего покорного праправнука? Нет! Ты дозволишь ему беспрепятственно упражняться в похвальном ре-

³³ Текст повести «Наталья, боярская дочь» цит. по: Карамзин Н. М. Бедная Лиза. Повесть. Л., 1970. С. 40—77. (Сер. «Народная библиотека»).

³⁴ Имеется в виду сцена, повествующая о решении Натальи ехать на войну вместе с мужем, выстроенная по законам драматической композиции: «Алексей. Но мне надобно заслужить прежде милость царскую. Теперь есть к тому случай. Наталья. Какой же, мой друг? Алексей. Ехать на войну...» и т. д. (Там же. С. 72—73).

мелсе марать бумагу, взводить небылицы на живых и мертвых, испытывать терпение своих читателей...».³⁵

Кроме проведенных сокращений своего источника Артынов сделал некоторые добавления. Все они связаны с вопросами образования и воспитания героини. О князе Михайле Кузьмиче Луговском, отце Ирины, говорится, что «по службе своей в Москве он имел частые сношения с иностранцами, находящимися на службе при царском дворе. Вследствие чего и дочь его Ирина имела образование не старинное, московских бояр, а современное — иностранное. Она имела у себя много подруг в иностранных семействах, близких знакомых к ея родителю» (с. 621). Представления крестьянского писателя об образованности княжны XVII в. так же неисторичны, как его рассуждения о ее воспитании: «...знаменитая красавица нраву пылкого, имела живую и предприимчивую натуру. Героиня прошлых веков: лихая наездница и смелая охотница» (с. 622).

По утверждению самого сочинителя, в этом произведении он основывался на воспоминаниях своих героев. Как становится понятным из сказания, именно Алексей Богданович и Ирина составили текст, который стал образцом для автора и одним из основных источников его исторических сведений: «Стольник Алексей Богданович Мусин-Пушкин имел обширный ум и любил заниматься отечественной литературой, в чем не мало помогала и супруга его Ирина. Труды их были собирать различныя сведения и из различных книг и рукописей о Ростове Великом. В его труды вошли и различныя иностранныя, библейския и классическия писатели. Для этого и написал он крупное и замечательное сочинение под названием „Книга о великих князях русских, отколе произыде корень их“, которая славяно-русского народа корень выводит от праотца Иафета, сына Ноева, до великаго князя Рюрика в хронологическом порядке» (с. 625). Как видим, литературные герои — А. Б. и И. М. Мусины-Пушкины, как подчеркивал Артынов, первыми написали историческое сочинение, форма, концепция и основные идеи которого совпадают с авторскими. Таким образом, герои, созданные по литературному образцу (повести «Наталья, боярская дочь» Н. М. Карамзина), сами под пером Артынова становятся авторами исторического сочинения, послужившего образцом для крестьянского писателя.

В сказаниях А. Я. Артынова, как правило, знакомство сочинителя с произведениями литературы проявилось в образной системе (злой колдун-похититель прекрасной княжны Звениславы, подобно Черномору из «Руслана и Людмилы» Пушкина, появился во время свадьбы и так же, как злодей-карлик, мог «лишить свою пленницу лишь свободы»); в цитатах (из «Слова о полку Игореве»: «Тяжело голове без тела, тяжело и телу без головы»); в именах (Царь-Девнца, Фрелаф-Фарлаф); в штампах, лексических («удалиться от шума градов», например) или сюжетных (похищение ребенка в младенчестве и поиски его); в воспроизведении мотивов (прекрасная дама награждает победителя венком; испытание героя, и др.); в описаниях (пурпурный сарафан, золотой пояс, лазоревый плат и т. п.). Интересно, что устойчивой может оказаться и ошибка. Так, например, А. Я. Артынов не-

³⁵ Там же. С. 41.

сколько раз повторяет, что невесте «готовили в приданое вено». Но приданое — это накопленное невестой добро и дары от ее рода, в то время как вено — более древний вид отношений родни жениха и невесты, выкуп, который жених и его род давал за невесту. Узнав о слове «вено», крестьянский писатель использовал его, не вполне поняв его значение. Ни в одном историческом источнике подобного смешения семантики быть не могло.

А. Я. Артынов — «любопытная и по-своему интересная личность, во многом характерная для того типа исследователей-самоучек, которые, заблыв однажды недугом познания прошлого, отдают своему увлечению немало сил и энергии, но так и не становятся профессионалами».³⁶ Безусловно, с научной точки зрения в трудах крестьянского писателя мы сталкиваемся с попыткой создать полностью фальсифицированный исторический свод, но простодушие автора, горячность его увлечения «ростовскими древностями» и слабость литературного дарования лишают артыновский фальсификат даже видимости достоверности.

Проведенный анализ принципов создания сочинителем «исторического» текста позволил определить, что он механически соединял сказочные сюжеты и романтические коллизии, фольклорные формулы, просторечные формы и романтические штампы, топонимические легенды и религиозные предания, наделяя свои сказания особой причудливостью, которая, однако, не приводит к разнообразию: происходит постоянное повторение освоенных им схем повествования. Метод А. Я. Артынова позволяет, во-первых, увидеть, как осваивалось носителями крестьянской культуры литературное наследие (от фольклора до современной им литературы); во-вторых, выявить ряд особенностей творчества крестьянского писателя, повлиявших на современное красеведение; в-третьих, определить основные принципы создания легендарных текстов.

Необходимо отметить, что подобные «технические приемы» могут быть обнаружены на материале и других сочинений, авторы которых связаны с традициями мистификаций и фальсификаций. Вполне корректным представляется вывод, что литературная форма любого фальсификата исторического источника ориентирована на современные ему литературные образцы (на уровнях модели поведения героев; системы мотивации; развития сюжета; набора коллизий; стилистического оформления), а содержание соотносимо с основным кругом проблем (исторических, политических, идеологических) своего времени. Некоторые из уже разоблаченных подделок могут вновь привлекать к себе внимание, служа основой «сенсационных открытий» авторам, чьи взгляды находят опору в идеях, продекларированных когда-то создателем подделки.³⁷

³⁶ Козлов В. П. Тайны фальсификации... С. 211.

³⁷ См. об этом подробнее: Что думают ученые о «Велесовой книге»: Сб. статей / Под ред. А. А. Алексея, О. В. Творогова. СПб., 2004.